

ДРУЖБА НАРОДОВ

Дружба на вырост

- Булат Ханов
Непостоянные величины
Роман
- Джон Ноулз
Сепаратный мир
Роман. С английского. Перевод Ирины Дорониной
- Керен Климовски
Дорога. Скорость. Высоцкий
Повесть
- «Только детские книги читать...»
Ильдар Абузяров, Василий Авченко,
Валерий Айрапетян, Андрей Аствацатуров,
Ольга Брейнингер, Игорь Булкаты,
Александр Григоренко, Михаил Дурненков,
Наталья Ключарёва, Майя Кучерская,
Сергей Пагын, Андрей Родионов,
Владимир Салимон, Игорь Сахновский,
Ольга Столповская, Дмитрий Трибушный,
Алексей Устименко
Вспоминают о любимых книгах своего детства

11'2017

Будущее в настоящем

Дмитрий Рубашкин

«С головой, повернутой назад»

Он высоко ноги поднимает
И вперёд стремительно летит,
Но как будто что-то вспоминает
И назад, как в прошлое, глядит.

А. Кушнер. «Ваза»

У Александра Кушнера есть давнее стихотворение, героем которого является человек, изображенный на античной вазе «с головой, повернутой назад». Этот образ вспомнился мне, когда я стал размышлять о том, каким должно быть сегодня содержание образования. Вдумаемся, ведь тот, кто составляет учебные программы, решает парадоксальную задачу: оглядываясь в прошлое, он ретроспективно оценивает накопленный веками багаж и выбирает из него то, что может потребоваться следующему поколению. Голова его повернута назад — туда, где сформировалась историческая память человечества: сумма сведений, знаний, умений, компетенций — неважно, как это сейчас называется. Но жизнь не стоит на месте, движение наращивает темп. Волей-неволей человек должен лететь вперед, иначе он просто выпадет из своего времени. Вот и получается: голова всматривается в прошлое, а ноги в это время сами бегут в непредсказуемое будущее. Перечитайте эпитафию. Правда — похоже? Выглядит жутковато, но в действительности система образования так и устроена.

Попробуем определиться с координатами, в которых можно описать развитие общества. Каждое поколение естественно сравнить с горизонтальной площадкой, которой отведен определенный уровень на оси времени — исторической вертикали. Когда говорят, что важнейшей задачей школы является социализация вступающих в жизнь представителей нового поколения, как правило, имеют в виду, что образование должно обеспечивать, так сказать, горизонтальную идентичность. Каждый должен научиться жить в своем времени, сообразуясь с его правилами, и к этому школа должна всесторонне подготовить своих воспитанников. В этом, как мне кажется, и заключается идея обретения компетентности. Но исторический этап, в котором живет

Рубашкин Дмитрий Давидович — директор инновационного центра «Технологии современного образования», кандидат технических наук. По образованию инженер, специалист в области проектирования информационно-управляющих систем. С 1992 года занимается инновационными проектами в сфере образования и культуры. Живет в Санкт-Петербурге. Предыдущая публикация в «ДН» — № 11, 2016 год.

Настоящая статья представляет собой главу из готовящейся к печати книги «Вторая задача образования».

данное поколение, характеризуется не только материальными условиями и технологическими достижениями. Горизонтальная идентичность — это и состояние умов: общественные ожидания, нормы поведения, распространенные заблуждения и т.д.

По-видимому, мыслительные стереотипы, формируемые школой в процессе обучения, также призваны выстроить новое поколение «по горизонтали». Интересно, насколько это соответствует традиционному пониманию задач педагогики? Ведь процесс обучения пока еще носит личностный характер, а наставник не принадлежит к тому же поколению, что обучаемый. Конечно же, школьный учитель — тоже продукт своего времени. Он также прошел через формирование горизонтальной идентичности — но на поколение раньше. А учили его преподавать люди и книги, относящиеся к еще более далекому прошлому. Раньше это не так ощущалось, но сегодня за срок, отведенный одному поколению, в мире происходят настолько серьезные изменения... Получается, что школьный учитель, призванный оказывать значительное влияние на своих учеников, формировать их образ мыслей, не вполне адекватен сегодняшнему дню и способствует, скорее, приобретению идентичности межпоколенческой. Тот же эффект дает традиционное семейное воспитание, поддерживающее преемственность жизненного уклада даже при радикальной смене исторического фона. Стоит, однако, уменьшить в образовательной среде значимость личности наставника, как вертикальная идентичность начинает слабеть и уступает первенство горизонтальной.

Устроит ли нас такое положение? Для устойчивого развития общества требуются и актуальность, и преемственность. Значит, и школа должна учитывать обе координаты. Это, как мы теперь понимаем, зависит не только от содержания учебных программ, которые общество предлагает новому поколению, но и от присутствия в образовательной среде авторитетного педагога. На этом авторитете всегда была основана школа как социальный институт, и хотелось бы, чтобы исторически выстроенный образовательный фундамент не разрушался импульсивным реформированием.

Что важнее на сегодняшний день: горизонтальная или вертикальная идентичность? От какой составляющей в большей степени зависит успешность нового поколения? Может быть, в этом контексте стоит вспомнить историческую фразу о том, что международная конкуренция была выиграна благодаря тому, что некогда «пруссский учитель победил австрийского учителя»? Сегодня поиск конкурентных преимуществ не менее актуален. Чему же наша школа должна отдать приоритет? Современным информационным технологиям или традиционным алгебре и геометрии? Что важнее для обретения идентичности: универсальный язык международного общения (английский) или знакомый многим поколениям национально ориентированный курс литературы? Или, обобщая: стараться быть как все или сохранять свою «особость»? Немного похоже на вечный спор западников и славянофилов.

Эти вопросы касаются каждого, кто хочет стать успешным в современном глобальном обществе. И ответ, который выглядит естественным, таков: в интересах личности система образования должна подчиняться тем стандартам, которые приняты «во всем мире». На первый план выходит стремление молодого человека к социальной мобильности, не сдерживаемой государственными границами. Это означает унификацию содержания образования, то есть приоритет горизонтальной идентичности. Понятно, что в гонку мы включаемся с большим опозданием, и в наших условиях такой путь (в лучшем случае!) является догоняющим развитием.

Но подобный ответ на вызовы времени, понятный в контексте интересов отдельной личности, не кажется подходящим для государственной образовательной системы в целом, потому что она все-таки призвана обеспечивать общественные потребности. Ее устремления должны быть иными: добиться высокого уровня

национального образования и тем самым создать своим выпускникам конкурентные преимущества. Если отдельный человек не может идти против глобальной унификации образовательных стандартов, то система образования должна опираться на свои сильные стороны, стремясь дать молодому поколению своих сограждан максимально много — по сравнению с потенциальными конкурентами. За счет чего? Надо искать... Может быть, за счет еще не утраченной педагогической традиции, высокого уровня национальной культуры. Во всяком случае, за счет преемственности поколений.

В поиске правильного соотношения между вертикальной и горизонтальной идентичностью заключается, на мой взгляд, один из важных современных вызовов. Отсутствие баланса, может быть, угрожает самой идее школы как социального института, учрежденного для обеспечения влияния общества на формирование нового поколения. И раньше, в предыдущие исторические периоды, подростки были склонны искать для себя авторитеты в своем поколении, но сегодня возможности информационного обмена между сверстниками настолько расширились, что взрослые, родители и учителя, поставлены в неравное, а иногда и в подчиненное положение.

Сегодня образовательные возможности не сводятся к учебе в учебном заведении. В глобальной сети доступны образовательные ресурсы, предоставляемые учебными заведениями различных стран. Неформальное обучение становится массовой практикой. Но широкое распространение открытого образования может в ближайшей перспективе принести и глобальную унификацию. Масс-старт. Вырваться вперед в общей толпе очень трудно. Хорошо, если удалось каким-то образом обеспечить себе *pole-position*¹. Тогда есть шансы опередить конкурентов и занять в итоге высокое место. Но стартовый *pole-position* — удел немногих. А вот если хочешь выиграть, стартуя из глубины, то для победы надо отличаться от конкурентов чем-то существенным. Тут уже не обойтись чужим умом и принципом «живи (учись), как все». Напротив, нужно выделяться из общей массы, иметь козыри. Чтобы занять достойное место в конкуренции, приходится искать собственный путь. Что в этой ситуации может порекомендовать нам современная дидактика — наука о том, чему учить и как учить? Может быть, секрет не в доступности информации и не в компетентности по стандарту? А на самом деле нужно заставить педагогику работать так, чтобы развивать свои достоинства, заботиться об интеллектуальном потенциале? Нам ведь ума не занимать...

Своим умом

— Да ты в своем уме?

— Не знаю, — отвечала Алиса. — Должно быть, в чужом.

Л.Кэрролл. «Алиса в Стране чудес»

Сегодня практически никто не сомневается, что наша система образования находится в кризисном состоянии. А когда наступает кризис, общество поневоле задумывается о том, стоит ли мыслить традиционно или нужны кардинальные реформы. В этой ситуации вопрос о пересмотре неизменного прежде содержательного ядра образовательных программ встает в ряд дискуссионных. Какие акценты должны быть расставлены в образовательной системе, какие приоритеты выбраны?

¹ *Pole-position* (англ.) — выгодное, выигрышное положение (букв. внутренняя, более короткая дорожка бегового круга).

Поиски ответов на вопросы о соотношении координат идентичности проявляются, например, в ходе попыток регламентировать курс литературы, воспринимаемый как важнейший инструмент воспитания нового поколения в духе национально-культурной традиции. Из поколения в поколение литературу в школе изучали в историческом контексте — на отечественном материале. Мировая литература в советское время оказывалась практически вне образовательного процесса, национальная изящная словесность рассматривалась как составляющая национальной культуры и важнейший фактор самоидентификации. Все-таки именно русский язык — великий и могучий!

Так происходило вплоть до конца советской эпохи. Школа — в соответствии с принятой идеологией — уверенно трактовала литературу XX века как продолжение и развитие классической русской традиции. Даже в относительно либеральные времена культурная идентичность нового поколения строилась практически исключительно на основе отечественных источников. Широкое распространение зарубежной литературы и, в частности детской, практически никак не влияло на содержание школьной программы. Знакомство с популярными переводными произведениями ограничивалось внеклассным чтением, то есть было делом преимущественно семейным, частным.

Все же состояние информационной среды, существенно изменившейся во второй половине XX века, сделало возможным постепенное формирование горизонтальной идентичности очередных поколений с зарубежными сверстниками в самых разных проявлениях общественной жизни (кинематограф, музыка, мода, спорт и т.д.). Потребность в обсуждении злободневных общественных проблем, которые находили отражение в современных произведениях литературы и искусства, вступила в противоречие с навязанным «историческим» подходом к изучению предписанной программы. Понятно, что для большинства советских школьников эта коллизия разрешалась не в пользу школьного курса литературы.

Когда общество стало еще более открытым, быстро выяснилось, что демонтаж политических и идеологических барьеров стимулирует установление широких контактов молодого поколения со сверстниками из разных стран. Это общественное явление, разумеется, не осталось незамеченным системой образования, но практически не отразилось на содержании учебных программ. В результате стало все заметнее проявляться расхождение между публичным информационным пространством, в котором преобладали тенденции глобальной открытости, и консервативной образовательной средой, которая осталась ориентированной преимущественно на традиционные учебные курсы со всеми их сильными и слабыми сторонами.

Фактор принадлежности к поколению в повседневной жизни постепенно берет верх над преемственностью развития. Но система образования сопротивляется этой тенденции. В контексте дискуссий по поводу преподавания литературы это означает, что государство продолжает настаивать на необходимости сохранения в учебной программе неизменного списка базовых произведений национальной литературы. Культурная идентичность строится на исторической основе, а не на сегодняшнем круге чтения. Такая позиция «или — или» не выглядит конструктивной, но сама по себе необходимость баланса между вертикальной и горизонтальной идентичностью пока, как кажется, не вполне осознана теми, кто имеет отношение к составлению учебных программ для массовой школы. Соответствующих инструкций сверху не спущено, и слишком многое зависит от конкретного учителя. Его готовность смягчить расхождение сегодняшнего поколения с ценностями и вкусами предыдущих важна для достижения разумного компромисса. Ведь хочется, чтобы, условно говоря, русские народные сказки не противопоставлялись историям о Гарри Поттере, а соседствовали с ними.

Я решил проиллюстрировать идею двух координат идентичности примером из области преподавания литературы, потому что в этой сфере различие двух подходов (исторического и актуализированного) проявляется особенно ярко. Но если вдуматься, подобные коллизии проявляются и в других учебных дисциплинах, где все не столь политизировано. Открытость информационного пространства, лавинообразный рост сферы применения всевозможных компьютерных технологий очень существенно повлияли на психологические стереотипы нового поколения. Можно с уверенностью сказать, что поколенческая общность детей и подростков преобладает (в значительной степени благодаря общности информационной среды) над вертикальной идентичностью. С этим явлением приходится считаться и родителям, и педагогам. Сегодняшние школьники психологически очень заметно отличаются от своих предшественников. Как обеспечить преемственность поколений, не допустить, чтобы «распалась связь времен»?

В самом деле, социализация не может исчерпываться пресловутой компетентностью школьных выпускников, их готовностью ориентироваться в «правилах игры» и пользоваться разнообразными технологическими решениями, предлагаемыми современным обществом. Без взаимопонимания поколений, без психологической совместимости учеников и наставников (в самом широком смысле этих понятий) невозможно ни частное, ни общественное благополучие. Об этом тоже не должна забывать система образования, когда на уровне государственных стандартов задаются приоритеты формирования учебных программ.

В советское время декларировалось, что общество объединено общими целями и каждый должен занять свое место в строю. Не было и речи о том, что интересы людей могут быть различны. Молодежь готовилась «играть в одной команде». Теперь все изменилось самым драматическим образом. Молодой человек, вступающий в жизнь, готовится не столько к сотрудничеству, сколько к состязанию. В глобальном мире это противоборство в основном разворачивается среди своего поколения. И ощущение причастности ко времени, понимания его законов и тенденций необходимо для успешной конкуренции. Ее многие так и понимают — как возможность участия в игре, проходящей по определенным правилам, готовность к соревнованию со сверстниками. Причастность к поколению обеспечивает более или менее равные стартовые условия. Но за счет чего можно преуспеть в этой конкуренции, если сегодняшнее образование будет столь же стремительно унифицироваться?

Ответ может быть таким: конкурентное преимущество может дать то традиционное обучение, которое все еще держится на авторитете старших поколений, то есть предполагающее формирование молодежи в русле определенной культурной традиции. Чем больше унаследовано от предыдущих поколений, тем сильнее отличия от средней массы подростков, выученных по лекалам сегодняшнего дня. Эти отличия могут проявляться и позитивно, и негативно. Но хорошее традиционное образование — это, безусловно, залог дополнительного качества, козырь в состязании со сверстниками, подобного наследства не получивших.

В чем же это может проявиться? Равные информационные условия в глобальном мире сулят достижение примерно одного и того же уровня компетентности, тех же знаний и умений. Если в чем-то и можно добиться преимуществ в вертикально выстроенной системе обучения, то это в развитии интеллектуального потенциала, приобретении правильных психологических установок — благодаря тому, что главным звеном в процессе обучения является педагог, который создает своим ученикам условия для многогранного развития интеллекта, способного к решению разнообразных задач. На этом пути можно не только сохранить высокие традиции отечественного образования, но и распространить плодотворные педагогические концепции с традиционно успешной математики на другие образовательные области,

и прежде всего на основы естественных наук, сферу современных технологий. Ведь никто же не сомневается, что нашей стране удавалось создавать системы успешной подготовки математиков, шахматистов, программистов... Может быть, и другие наши учителя смогут выиграть у своих зарубежных коллег то самое соревнование, которое сулит государству успехи на международной арене?

Только не надо думать, что секрет успеха в прошлом. Хорошо бы, поглядывая в зеркало заднего вида, научиться двигаться все же не назад, а вперед. Другими словами, нужно искать такие средства передачи культурного кода по вертикали, которые могли бы действовать в существующем горизонтальном информационном поле. Или — возвращаясь к образу человека с античной вазы — постараться сделать так, чтобы обращенная назад голова не отстала от несущихся вперед ног настолько, что это уже будет несовместимо с общественной жизнью.

Немного социологии

Мышление — это общественная функция или функция мозга?

С.-Е. Лец. «Непричесанные мысли»

Мир, в котором мы живем, усложняется с каждым годом. Нет сомнений, что в наши дни управление образованием ни в коем случае не должно пониматься как механическое тиражирование выпускников, соответствующих одной-единственной модели. Такое еще в какой-то степени было допустимо в индустриальную эпоху. Современное общество слишком динамично устроено, чтобы можно было рассчитывать, что скроенные по единым лекалам вчерашние школьники сумеют справиться с множеством разнообразных вызовов. Значит, и квалификационные требования к выпускникам должны учитывать это разнообразие. Общественный прогресс при всех своих достижениях пока еще не научился обходиться без большого спектра различных профессий. Нельзя ограничиваться подготовкой «квалифицированных потребителей» — рынок труда требует кадров для самых разных специальностей: интеллектуальных и рутинных, творческих и требующих дисциплины, ответственных и не очень. И среди этих рутинных, например, много массовых, которые должны быть обеспечены не за счет «одинок», закрывающих ту или иную вакансию, а за счет целенаправленной подготовки и профориентации.

Получается, что школа, о которой мы все так беспокоимся, должна готовить не одинаковых, а разных выпускников, иначе социальный заказ не будет выполнен. Как у линеек современной техники, у системы образования должен быть своего рода hi-end и low-end. Если не сбалансировать их соотношение на основе анализа общественных потребностей, возможны кризисные ситуации на рынке труда. Это уже сейчас начинает ощущаться даже таким мировым лидером школьного образования, как Финляндия, где инициируются поиски более гибких решений. И тем более для такой огромной и сложной страны, как наша, недопустимо иметь одну-единственную модель.

Объектом управления для государственной системы образования является школа, которая должна обеспечить общество не универсальной моделью выпускника, а целым модельным рядом. И этот сложный объект нельзя рассматривать как механическое объединение отдельных объективов — учащихся. Они вовсе не движутся к единой цели параллельными курсами. Напротив, они взаимодействуют, сотрудничают,

вливают друг на друга, конкурируют в борьбе за более привлекательные позиции. Поэтому для описания школы как объекта управления не годятся примитивные модели, сводящие все к двум предельным вариантам выбора образовательной траектории. Ответы «готовить каждого в соответствии с его индивидуальными склонностями» и готовить «всех одинаково» оказываются неудовлетворительными с точки зрения общественных интересов. Должен, конечно, существовать не персональный путь для каждого (это просто неосуществимо), а выбор из нескольких образовательных маршрутов.

Если вдуматься, то именно невозможность выбрать для своего ребенка подходящий путь во взрослую жизнь и составляет суть претензий, которые общество предъявляет государству. Регулярные публикации в различных СМИ на темы образования, содержащие критику существующего положения дел, постоянно подогревают общественное беспокойство. Эмоций много, а вот разумного, взвешенного анализа недостаточно. Разобраться в сути критических выступлений неподготовленному человеку непросто. Да, честно говоря, большинство граждан, вздрагивающих при упоминании ЕГЭ, обеспокоено не столько проблемами школы как социального института, а тем, как несовершенство нынешней системы образования отразится на их детях и внуках. Наиболее активные и заинтересованные родители (включая, разумеется, бабушек и дедушек) начинают задавать себе вопрос: как бы исправить нынешнюю ситуацию, чтобы дети получили нормальное образование? И эту самую норму, конечно, каждый представляет по-своему. Соответственно, и методы для исправления ситуации предлагаются различные.

Политизированная часть родительского сообщества полагает, что изменить положение дел можно только сверху. Они видят выход в том, чтобы в очередной раз поменять министра образования или какое-то другое ведомственное начальство. Даже если поверить в такую перспективу, то — с учетом масштабов нашей образовательной системы — благодатные перемены дойдут до учащихся, когда сегодняшние дети уже вырастут.

Более практически настроенные люди начинают искать помощи вне школы, «на стороне». Появляются частные школы, домашние учителя, репетиторы. Может быть, и не нужно озадачивать общество глубинными проблемами государственной системы образования? Пусть каждый сам для себя решает, где и как ему учить и воспитывать детей. Распространение этой вполне либеральной мысли ставит под сомнение само существование школы как социального института. Образованные люди и так решат свои семейные проблемы, а остальные будут довольствоваться тем, что предлагают государственные образовательные стандарты. Может, в этом и заключается «сермяжная правда»? Пусть государство занимается теми, кто сам себе помочь не может. «Что нам за дело до малых сих...»

Такое отношение к судьбе массовой школы, все чаще проявляющееся в обществе, мне представляется не менее опасным, чем попытка государства унифицировать содержание обучения и постричь все учебные заведения под одну гребенку.

Во времена господства классового подхода наше поколение учили, что нельзя «быть свободным от общества». Но ведь общество неоднородно, оно состоит из отдельных людей. А от чего зависит социальное поведение того или иного человека? Человек ведет себя так, как ему свойственно. Просто он таков, каким сформировался. Это если объяснять на бытовом уровне. А в социологии для этого есть особый термин — габитус. Это понятие, предложенное французским философом второй половины XX века Шарлем Бурдьё, характеризует, говоря научным языком, «систему прочных приобретенных предрасположенностей». Не только в рутинных

обстоятельствах, но и в неожиданных ситуациях человек ведет себя в соответствии с габитусом.

Является ли габитус свойством врожденным или приобретенным? Согласно Бурдье, габитус формируется в ходе социализации и, в том числе, в системе образования. В этом процессе, конечно, нет предопределенности: социальное поведение, диктуемое габитусом, не является жестко заданным, фиксированным. Но в то же время человек и не вполне свободен в своих реакциях на внешние обстоятельства. Он отчасти ограничен теми условиями, при которых его габитус был сформирован. То есть и в социальном поведении, как и в биологической эволюции, имеет место сочетание, условно говоря, наследственности и изменчивости.

Я не собираюсь углубляться в столь высокие материи и тем более представлять себя человеком, способным рассуждать на темы социологии, особенно в их философском аспекте. Не настолько я образован, чтобы самостоятельно разбираться в концепции Бурдье и возражениях его оппонентов и критиков. Мне просто показалось, что тема габитуса может быть уместной в разговоре о личностных характеристиках, формируемых в процессе обучения.

Не имея возможности тщательно изучить первоисточники, я довольствовался пояснением из доступного источника — Википедии: «Габитус включает в себя совокупность диспозиций — моделей восприятия и действия, которые индивид приобретает в процессе социализации, инкорпорируя совокупность способов мышления, чувств и действий». Сказано это, конечно, сильно. Возможно, я что-то понял неправильно, но здесь мне видится прямое указание на то, что я называю мыслительными стереотипами. Попробую эту связь сформулировать своими словами.

Формальное образование, которое дает школа, — это часть процесса социализации. Модели восприятия и действия — поведение человека, включая его профессиональную деятельность. И наконец, совокупность способов мышления. Что касается чувств и социальных действий, то они уже выходят за рамки моей темы, хотя школа, безусловно, оказывает влияние и на эти составляющие габитуса. Но, повторяю, меня интересует только то обстоятельство, что способы мышления, по мнению социологов, являются одной из основ общественного поведения. А значит, когда мы говорим о важности усилий системы образования, направленных на развитие интеллектуальных способностей всех без исключения школьников, речь идет на самом деле о социальной структуре общества — на перспективу. Это обстоятельство ни в коем случае нельзя игнорировать. Пренебрегая задачей развития интеллекта или, тем более, создавая у своих воспитанников ошибочные представления и дефектные мыслительные стереотипы, школа деформирует поведение граждан, делает его более примитивным и в каких-то отношениях деструктивным.

Об этом необходимо помнить, когда государство устанавливает показатели успешности образования, которые считает нормой. Если постоянно сдвигать вниз планку требований к выпускникам школ, будет увеличиваться риск формирования общественных групп, габитус которых находится на границе девиантного поведения. А если движение в этом направлении продолжится, то поведение, которое сейчас признается девиантным, может стать и нормой. Здесь, очевидно, кроется серьезная угроза социальной деградации.

Образование для полных чайников

Деньги у нас есть... У нас ума не хватает.

Э.Успенский. «Зима в Простоквашино»

Хочу далее воспользоваться еще одним ключевым понятием концепции Бурдые, тем более что он в своих работах уделил значительное внимание социологии образования. Предполагается, что современное цивилизованное государство должно обеспечить своим гражданам равные условия для получения полноценного образования. Но на практике, естественно, социальная справедливость оказывается недостижимой и в этой сфере. Рассматривая образовательные системы в социологическом аспекте, Бурдые обращает внимание на неравенство стартовых условий, с которых начинается процесс формального образования. Наряду с экономическим неравенством мощное влияние на успешность обучения оказывают другие факторы, среди которых Бурдые выделял так называемый культурный капитал, то есть унаследованный ребенком стартовый уровень, с которого начинается формальное обучение. Переключая внимание с экономического анализа на проблему культурного неравенства, он рассматривал габитус как своеобразный гандикап, которым обладают подростки, выросшие в семьях, которые мы могли бы, следуя российской традиции, назвать интеллигентными.

Еще раз уклонюсь от непосильной обязанности штудировать первоисточники и просто сошлюсь на «Социологический словарь», который приводит такую трактовку механизма возникновения неравенства: «...дети родителей, относящихся к среднему классу, овладевают их культурным капиталом, культурными и лингвистическими способностями, и именно эти способности обеспечивают их школьные успехи». Очевидно, что фактор «культурного неравенства» не следует игнорировать при управлении системой образования, при разработке учебных программ, планируемых результатов, образовательных технологий и аттестационных процедур. Хотя об этом у нас не очень-то принято говорить вслух, сегодняшняя образовательная политика скорее направлена на нивелирование и растраниживание имеющегося у детей и подростков культурного капитала, чем на его приумножение.

Одним из направлений реформирования системы образования в России был переход на так называемое подушевое финансирование. Это означает, что на каждого школьника государство обязуется выделить определенный финансовый ресурс. Выглядит как мера, призванная в какой-то степени смягчить существующее экономическое неравенство и обеспечить равные возможности для обучения — независимо от благосостояния семьи. Но, пытаясь сделать образование экономически равно доступным для всех, реформаторы, кажется, не приняли во внимание фактор различия исходного культурного капитала.

Казалось бы, если школьники стартуют с неодинаковых позиций, а финансовые средства на их обучение выделяются одни и те же, то было бы справедливо ожидать разных образовательных результатов — в зависимости от изначальной готовности ребенка или подростка к учебе. Чем выше культурный капитал на старте, тем значительно больше должны быть реально достигнутые результаты. А подлинно справедливое государство должно было бы следить не за выполнением единых для всех требований аттестации, а за тем, как за годы учебы был приращен культурный капитал, какие проценты он принес. «Кому больше дано, с того больше и спросится».

Возможно ли такое в плоской одноуровневой системе образования, где все учатся по общим программам и должны при окончании продемонстрировать одинаковые результаты? Очевидно, нет. Нужный эффект могут дать лишь разноуровневые модели, в которых есть возможность вести учащихся по целесообразным образовательным траекториям, не теряя времени и ресурсов на построение всех по единому ранжиру, ориентированному на самых слабых. А значит, нашей стране нужна не только стандартная массовая школа, но еще и специализированные учебные заведения «для сильных», которые помогут государству и обществу получить максимальную отдачу от инвестиций в образование.

Можно сказать, что школа должна способствовать формированию целого спектра различных габитусов, которые обеспечат обществу необходимый баланс в социальном поведении людей с различным уровнем образования.

Другое дело, сколько такое управление стоит и готовы ли государство и общество нести соответствующие расходы. Хорошее образование — дело дорогостоящее. Чем выше образовательный уровень, которого хочется достичь, тем больше затраты на процесс обучения. Это утверждение выглядит тривиальным, но на самом деле все не так просто. Кое-что можно было бы уточнить. Вспомним о понятии «культурный капитал» и попытаемся его, так сказать, «монетизировать».

Есть такой старый анекдот про математика, который хорошо знал, как нужно кипятить чайник: сначала налить воду, потом поставить его на огонь и дожидаться, пока вода закипит. Когда ему вместо пустого чайника предложили уже наполненный водой, он вылил из него воду, чтобы «свести задачу к предыдущей».

Примерно в таком стиле действует система образования, когда сталкивается с разноуровневым учебным коллективом. Вынужденная ориентироваться на самых слабых, школа упрощает себе жизнь, сдерживая развитие тех, кто мог бы двигаться к образовательным целям быстрее, чем их товарищи. Это не только вредно с точки зрения решения всех задач личностного развития, но и экономически нецелесообразно. Мы «выливаем уже налитую воду» и тратим ресурсы на то, чтобы «свести задачу к предыдущей».

А что если предусмотреть ускоренное прохождение программы для тех, кто пришел учиться уже подготовленным? Обычно на этот вопрос отвечают, что есть законы возрастной психологии, которые нельзя игнорировать. В условиях массовой школы рискованно двигаться, опережая своих сверстников. Это может привести к личностным деформациям, да и просто к конфликтным ситуациям в учебных коллективах. Наверно, это действительно так, особенно применительно к младшему школьному возрасту. Но, может быть, стоит подумать и о следующей ступени? Ведь разный стартовый уровень наблюдается не только в «началке». Влияние семьи и социальной среды никуда не девается и в среднем школьном возрасте.

Много сказано о том кризисном моменте, который наступает при переходе из начальной школы в основную. Об эффекте разрыва образовательного процесса на границе двух ступеней образования. Одним из самых вредных факторов является общая невнятность целей обучения в подростковом возрасте, приводящая к снижению интенсивности образовательного процесса. Теряется инерция движения вперед, тормозится когнитивное развитие. От этого замедления больше других страдают сильные ученики. В этой кризисной ситуации среди осложняющих обстоятельств далеко не последнюю роль играет неравенство в стартовых условиях, которое в подростковом возрасте воспринимается с большей остротой, чем в детские годы.

Разумные педагоги стремятся к тому, чтобы в школе не слишком заметно проявлялось экономическое неравенство. Удастся этого добиться или нет — другой вопрос. А вот неравенство культурного капитала — это понятие, кажется, находится

за пределами профессиональной компетентности сегодняшних администраторов образования. Система просто не рассматривает этот фактор как значимый и не знает, как реагировать на него. Мне кажется, это очень серьезное упущение, и оно, в том числе, свидетельствует об экономической неэффективности существующей модели.

Принцип «подушевого финансирования» предполагает, упрощенно говоря, равные затраты на каждого обучаемого. Еще раз вспоминая анекдот про задачу с чайником, можно сказать, что государство выделяет каждому ученику право налить некую меру воды из крана. Но ведь среди наших «чайников» есть уже «полные»! Давайте же экономить воду! Лучше тратить ресурсы на что-то осмысленное, а не просто «сводить задачу к предыдущей».

Если серьезно, то мы опять возвращаемся к тому же тезису: система образования должна быть разноуровневой. Это важно для решения социальных задач и не так уж, оказывается, чревато дополнительными затратами, если расходовать средства с учетом реального уровня подготовки учащихся и их культурного капитала.

От каждого по способностям, каждому — по габитусу!

Образовательная область «романтика труда»

В какую же сторону следует направить школу как социальный институт? Можно ли учесть одновременно и государственные приоритеты, и интересы личности? Как устранить имеющиеся перекосы в отношении целей образования и стимулировать интерес к учебе на всех возрастных ступенях? Мне кажется, одной из причин кризиса образования является отказ школы от подлинной, а не имитированной профессиональной ориентации.

Школа в лучшем случае ограничивается отстраненным информированием о возможных, говоря казенным языком, сферах занятости. А ведь всегда считалось, что подросткам свойственно мечтать о взрослой жизни. И в этих мечтах они видели себя моряками, врачами, геологами — людьми героических или просто очень нужных специальностей. Теперь не так. Сегодняшнему поколению совершенно чужда романтика будущей профессии. Будущее связывается не столько с определенной трудовой деятельностью, сколько с укладом жизни, благосостоянием, комфортом и т.д. Раньше выбирали профессию, а теперь — образ жизни.

Карьера и благосостояние — это замечательно, но в подростковом возрасте нужна мечта, а не только трезвый расчет выгод и рисков. Отказавшись от воспитательной миссии, школьная педагогика исключила из своего арсенала призывы, как это называлось раньше, «к творческому созидательному труду». Школьник не видит себя в образе человека, увлеченного профессией и гордящегося ею. Свойственное юношескому возрасту актерство, желание представить себя то в одном облике, то в другом, могло бы стать основой реального интереса к профессиям, а через них — к знаниям и умениям, необходимым в той или иной сфере взрослой жизни. А отсутствие романтического взгляда в будущее лишает школьную жизнь очень важной эмоциональной составляющей, превращает ученика в прагматика, высчитывающего с помощью калькулятора, понадобится ему в жизни таблица умножения или нет.

Сейчас, к великому сожалению, понятие «творчество» в массовом сознании связывается практически исключительно с определением «художественное». И творческие увлечения школьников остаются примерно теми же, что в знаменитом стихотворении: «Драмкружок, кружок по фото, хоркружок — мне петь охота, за кружок по рисованью тоже все голосовали». Со времен Агнии Барто прошли

десятилетия, а массовые кружки в общем все те же. Наука, техника в глазах большинства не только не являются «креативными» областями, но и воспринимаются как нечто противоположное, почти враждебное свободному проявлению личности. И соответствующие профессии рассматриваются лишь в аспекте достижения желаемого благосостояния, а не как возможная сфера раскрытия творческого потенциала. Пока в головах будет такая «разруха», положение с образованием к лучшему не изменится.

Что я, собственно говоря, предлагаю? Сделать образ будущей профессии педагогическим инструментом, положить его в основу мотивации к учебе. И приступить к этому воспитательному процессу в достаточно раннем возрасте, сразу после завершения начальной школы. И чем сложнее, чем интереснее будет этот образ, тем выше будет мотивация к учебе. Не появится стремления быстро признать себя неспособным к математике или информатике, «забить» на ботанику и географию.

Очень важно, чтобы школа демонстрировала всем без исключения, какие перспективы откроются в будущем перед теми, кто справляется со сложными задачами, развивает свой интеллект, демонстрирует упорство в достижении цели. Если не опоздать с подобными педагогическими приемами, то мы, вполне вероятно, не потеряем для полноценного образования тех, кто перестает справляться со школьной программой на уровне шестого или седьмого класса.

Чем это отличается от «личностных результатов», записанных во ФГОСах, по которым должна работать школа? Тем, что компетентность, предписанная в стандартах, понимается главным образом как практическое умение, необходимое сегодня. А нужны еще и вектор развития, прогноз, привлекательная картина завтрашнего дня. Это имеет первостепенное значение и для всего общества, и для каждого подростка как личности.

Можно ли на этом пути добиться баланса между традицией и требованиями современности, между вертикальной и горизонтальной идентичностью? Вспомним: лучшие образцы советской школы строились на научном фундаменте. Эта модель была рассчитана на производство ученых, исследователей, создателей новых образцов техники. Без них не могло быть достижений в тогдашних наукоемких отраслях. Прежде всего, в производстве оружия и освоении космоса. Эти направления и сейчас еще считаются нашими козырями в международной конкуренции. И система образования строилась так, чтобы наиболее подготовленные выпускники: исследователи и инженеры — оказывались именно в «оборонке».

А вот массовое производство чего бы то ни было никогда не считалось нашей сильной стороной. В советское время потребительский рынок не был приоритетным ни с политической, ни с экономической точки зрения. И дело, как мне кажется, не только в социально-экономических условиях. Для системы образования подготовка будущих участников массового производства: конструкторов, технологов, экономистов, менеджеров не являлась приоритетом. Сказывалось такое положение дел и на общем образовании.

Я здесь, конечно, не имею в виду, что школа должна была непосредственно готовить специалистов этих профессий. Речь о том, что для них требуются иные проявления интеллекта, нежели для научной работы. Создание технологий массового применения гораздо более конкретно и привязано к практическому опыту. Теоретическим изучением здесь проблемы не решаются.

Когда потребность в массовом производстве была осознана на политическом уровне, в СССР стали создавать систему среднего профессионального образования. Но это было полумерой. Профессионально-технические училища должны были растить будущих рабочих и техников, а подготовка к высшему профессиональному образованию осталась в ведении школ. Поэтому именно в системе общего образования уже тогда

следовало бы изменить стиль подготовки — дополнить «научный» стиль «технологическим». Это дало бы необходимую опору на практику, без которой изучение основ наук действительно становилось для многих школьников нагрузкой, не оправданной никаким социальным целеполаганием. К сожалению, такого поворота не произошло. А потом на смену научному стилю в систему образования пришла компетентность, понимаемая администраторами от педагогики как подготовка квалифицированного потребителя. Тут уже не осталось места ни для науки, ни для технологий.

Сегодня, когда мы выбираем из двух зол: сегодняшний развал образовательной системы или возвращение к советской модели, я хочу обратить внимание на возможность, которая была когда-то упущена. Я имею в виду переход от научной модели обучения к научно-технологической. Не отбрасывание основ наук ради повседневной практики, а реальное соединение научного знания с технологическим умением. Ведь технология — это ответ на вопрос «как». А это вопрос очень важный. И если в советское время образцовой тиражируемой моделью для подготовки специалистов высокой квалификации была выбрана физматшкола, то сегодня, как мне кажется, это должно быть учебное заведение «с технологическим уклоном», где точные и естественные науки неразрывно связаны с инженерными дисциплинами.

Движение в этом направлении сулит различные выгоды. Общественные плюсы, как мне представляется, очевидны. Любая модернизация требует наличия большого отряда квалифицированных специалистов, умеющих довести дело до практической реализации. Это задача не кабинетных исследователей, а специалистов, вовлеченных в реальные технологические процессы. И в этом нет ничего обидного для ученых-теоретиков. Думаю, что любой биолог или физик поддержит идею о необходимости обеспечить связь научного знания с конкретными технологиями — сегодняшнего или завтрашнего дня.

Но не меньший выигрыш технологизированное образование сулит с точки зрения интересов развития личности. Во-первых, чем более разносторонним является обучение, тем полезнее для развития когнитивных способностей, интеллекта в целом. Картина мира становится более полной и гармоничной, основанной на трех необходимых компонентах: знании фундаментальных истин, логическом рассуждении и практическом опыте.

Хочу остановиться еще на одном эффекте, который может возникнуть с повышением значимости технологического компонента. Как ни парадоксально, он относится к сфере эмоционального развития. Подросток, изучающий школьную программу, просто в силу возрастных особенностей не может не думать о своем будущем. К сожалению, сегодняшняя школа практически полностью устранилась от формирования у мальчиков и девочек образов будущих профессий. Пропало романтическое представление, без которого нельзя выбрать себе дело по душе. Это представление может быть наивным, идеализированным, но без него подросток никогда не сможет по-настоящему увлечься каким-то делом, выбрать себе профессию ради ее сути, а не из-за карьерной перспективы.

Допустим так, но при чем тут технологии? Мне кажется, что именно в сфере технологий лежит ответ на многие вопросы, касающиеся того, как будут жить сегодняшние школьники. Чем они будут заняты? В каких производственных условиях они окажутся? Какое место их работа будет занимать в общественном разделении труда? Надежен ли будет экономический фундамент отрасли? Каковы будут перспективы профессионального роста? Сейчас эти вопросы даже не звучат. Но не поставив их перед собой, не найдя ответов, нельзя рассчитывать на успешность в той жизни, которая будет после окончания школы.

Картина будущего может быть приблизительной, прогнозы — неточными, даже иногда неверными, но они должны быть предложены школой молодому поколению. А школа, в свою очередь, должна получить от специалистов футурологическую картину общественного производства, в которой должны быть с известной мерой условности представлены технологии будущего, привлекательные сферы занятости для подростков, обладающих значительным интеллектуальным потенциалом и стремлением проявить себя.

Наиболее благодарную аудиторию такая идеализированная картина найдет, конечно, не среди старшеклассников, которые уже слишком сильно заняты решением задач прагматического характера. Нет, самый выгодный возраст для знакомства с мифами о будущих профессиях — это основная школа, когда взрослеющий подросток еще только ищет сферу приложения своим способностям. Он еще не понимает, зачем ему эти мудреные науки, — так давайте объясним ему, кем он сможет стать, если заинтересуется биологией, географией или химией. Не изучит, а всего лишь заинтересуется. И этого «всего лишь» не так уж мало для среднего школьного возраста. Если основная школа не растеряет этот интерес, то и в старших классах мы получим не формальную зубрежку и «подготовку к ЕГЭ», а внутреннюю мотивацию к учению.

От нынешней образовательной политики, которая имеет целью унификацию требований к выпускнику и формирование на выходе из школы квалифицированного потребителя, нужно двигаться не назад — к копированию советской модели, а вперед — по пути максимального развития и использования интеллектуального потенциала для достижения актуальных общественных целей.

Главным вызовом для системы образования должно стать не формальное усвоение одинакового для всех «багажа знаний», а подготовка нового поколения к профессиям, востребованным в динамично развивающемся мире. Другими словами, должна быть решительно пересмотрена не только организация процесса обучения, но и содержание образования, то есть вся школьная дидактика. А создание новой дидактики — это не ведомственная задача. С ней не справятся сегодняшние педагогические институты: они просто не обладают нужными представлениями о современной науке и технике. Нужно привлечь экспертов из самых разных областей знания. И целью их совместного творчества не должна стать единственно правильная образовательная программа. Напротив, должно быть создано образовательное пространство, наполненное самым разнообразным содержанием, основанном, в том числе, на культурном капитале предшествовавших поколений. Это не путь догоняющего развития, ориентированный на заимствование готовых моделей, а самостоятельное движение, поиск баланса идентичности между требованиями времени и собственной культурной традицией.

Все это похоже на утопию и, собственно говоря, ею и является. Но и в создании утопии можно найти практический смысл. Для того чтобы эффективно управлять системой образования, необходимо сформулировать желаемое состояние, к которому мы стремимся. Это желаемое состояние — тоже своего рода утопия, то есть идеальная модель. Как ни странно это звучит, но именно с утопического взгляда может начаться разработка образовательной стратегии. Не то чтобы я считал, что для этой цели подходит именно моя модель, а не какая-нибудь другая. Просто я ощущаю в сегодняшних метаниях образовательного ведомства некую идейную пустоту. А когда нет содержательной идеи, любая трансформация системы обречена, по меткому выражению одного из идеологов российских образовательных реформ Э. Д. Днепров, быть воспроизведением застоя. Прошу прощения за еще одну длинную цитату, но мысль представляется очень важной и четко сформулированной: «При застывшем и во многом изжившем себя содержании образования любые технологические,

организационные, экономические и прочие усовершенствования если не вредны, то во многом бесполезны, поскольку они будут лишь более интенсивно воспроизводить застой»¹.

Вот я и хотел бы предложить в качестве темы для разработки концепцию научно-технологического образования — альтернативу одновременно и существующей сегодня, и старой, советского образца. Учитывающую интересы интеллектуального развития каждого подростка. Отвечающую требованиям общества, заинтересованного, чтобы школа выпускала в мир молодых людей, хорошо подготовленных для профессиональной деятельности. И что выглядит не менее важным в современном беспокойном мире: получившие хорошее образование обладают разумным и предсказуемым социальным поведением, габитусом. Если школа хотя бы подступится к решению этой задачи, жить всем нам станет спокойнее. Уже только ради этого педагогам следует постараться: звонок на перемену — для учителя.

«Профессия»

В то время, когда я начинал писать эти свои рассуждения о системе образования, мне не была известна новелла Айзека Азимова «Профессия». Когда же я ее прочел, то изумился, насколько придуманная знаменитым фантастом модель системы образования актуальна по проблематике. Новелла Азимова для меня — удивительное сочетание утопии и антиутопии, замечательная художественная иллюстрация на тему компетентности. К тому же она была впервые опубликована ровно жизнь назад — в том году, когда я родился. И этот фактор времени придал дополнительный эмоциональный оттенок сильнейшему впечатлению, которое на меня произвела повесть. Все так совпало...

Что обращает на себя внимание в представленной писателем картине будущего? Азимов рисует общество, в котором главной характеристикой человека является его профессия. Выбор ее определяется общественной потребностью, но с учетом личностных характеристик вступающего в жизнь молодого человека. Власть следит за тем, чтобы сфера занятости регулировалась целесообразно, и не допускает в системе образования неэффективного расходования ресурсов и затрат времени на приобретение бесполезных сведений. Система отлажена, работает как часы. Вот только выбор профессии не зависит от воли молодого человека, все предопределено его ментальными характеристиками. Образование носит абсолютно формализованный характер: с помощью специальных лент (тейпов) обучаемому в ходе кратковременной операции сообщается все, что необходимо для его профессиональной деятельности. Эти тейпы для различных профессий, собственно говоря, и представляют собой технологический инструментарий для массового образовательного процесса.

В том будущем, которое рисует Азимов, тейпирование информирует и решает задачу социализации, а вот развитие интеллекта в этой модели считается нецелесообразным или, по крайней мере, неэффективным. Отрицается и процесс самостоятельного учения — накопления знаний и опыта «по крупицам». Все это представляется ненужным для подготовки специалистов массовых профессий. Люди, получившие такое технологичное образование, в русском переводе названы дипломированными: дипломированный металлург, дипломированный повар, дипломированный чернорабочий.

¹ Днепров Э.Д. Образовательный стандарт — инструмент обновления содержания общего образования // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 77–117.

Я задумался, что за диплом имеется в виду, в тексте об этом ничего не сказано. Возникло предположение, что более точным в сегодняшних реалиях был бы термин «сертифицированный», то есть получивший соответствующий документ — сертификат соответствия профессиональному стандарту. Но в оригинале все оказалось жестче, чем я думал: «registered». Это можно понимать не как присвоение звания, а как своего рода артикул, клеймо — как у заключенного Гулага. Такой штрих тоталитарного общества, где каждый зарегистрирован по своей принадлежности к профессии. Напоминает одновременно и средневековый цех, и «шарашку». Все люди, достигшие определенного возраста, принудительно делятся на профессиональные касты. К привлекательной профессии можно стремиться, словно к спасению души, но все заранее predetermined судьбой подобно тому, как это постулируется в кальвинистском вероучении.

Свободный выбор будущей специальности подросткам не предоставлен, но мечта о профессии, сулящей карьерные перспективы, составляет важную часть психологического портрета молодых героев новеллы. Жизненный успех — это победа в профессиональной конкуренции за привлекательные рабочие места. Вот характерная черта: большинство подростков не заинтересовано остаться работать на Земле. Их привлекает возможность эмигрировать, завербоваться на другие планеты, где уровень жизни гораздо выше. Знакомая картина, правда? Для нашего сегодняшнего общества этот мотив поиска карьерных перспектив вне среды, где получено образование, чрезвычайно характерен.

Возможность выгодного и престижного трудоустройства зависит от выступления на специальном профессиональном состязании — Олимпиаде. Эпизод с Олимпиадой является одним из центральных в новелле. Участник соревнований (одноклассник главного героя) терпит неудачу из-за того, что ему в ходе конкурса достался спектрограф не той модели, которая была ему знакома. Провинциальному подростку когда-то не повезло с образованием: достался устаревший тейп — та учебная лента, с помощью которой он получил профессию. Молодой человек знал, что на Олимпиаде придется иметь дело с другим прибором, но освоить его самостоятельно по книгам — такой путь для него не существовал. Получив образование с помощью тейпинга, он не научился учиться.

Формальное образование дало герою способность действовать в пределах изученной модели. Он не привык и не подготовлен к самостоятельному исследованию. Компетентность вроде бы не подвергается сомнению, но развитие фиксируется на уровне содержания «учебных лент», поэтому в серьезном соревновании он не может быть конкурентоспособен. Единственное, что могло бы его сделать победителем, это индивидуальные проявления его интеллекта, но стандартное обучение унифицирует образовательные результаты, и шансов на Олимпиаде у такого юноши нет. Провинциалу нечего противопоставить «столичным» соперникам, у которых, кроме собственной компетентности, всегда находятся дополнительные козыри.

А вот главный герой новеллы постоянно говорит о возможности подняться над предложенным уровнем за счет собственной интеллектуальной деятельности: чтения книг, размышлений, самостоятельных опытов. И существенно здесь не то, что способность к познавательной деятельности, когнитивному развитию приводит его к личной победе. В конце концов, он ведь представлен личностью исключительной. Но для меня взгляды героя важнее его собственного поведения. Он пытается донести до всех своих собеседников, что ментального predetermined не существует, что усилия, направленные на собственное интеллектуальное развитие, будут не напрасными. Правда, ему не верят, а жаль!

Еще одной интересной для меня темой, раскрытой в новелле Азимова, был

мотив преемственности поколений. Мне представляется, что для сегодняшнего образования важнейшей задачей является поиск баланса между горизонтальной и вертикальной идентичностью. В информационном мире глобализации мне представляется серьезной опасностью потеря культурной традиции при следовании стандартам открытого общества. Азимов же рисует картину системы образования, тяготеющей к вертикальной идентичности. Династии дипломированных специалистов, восприятие мира через идею следования по пути родителей — важные характеристики модели, представленной в «Профессии». Общество, поделенное по профессиональному признаку, выглядит кастовым и потенциально конфликтным. Ему определенно не хватает единого информационного пространства для реализации горизонтального общения. Азимов, как мне представляется, связывает такое положение с акцентом на профессиональное образование в ущерб единству культурного пространства. Сегодня мы видим, скорее, противоположную картину, но любая потеря баланса, очевидно, таит в себе опасности.

Впрочем, идея сохранения традиционных конкурентных преимуществ тоже представлена в новелле. Я имею в виду общую специализацию землян в нарисованной картине будущего. Свой шанс в конкуренции представители Земли видят в умении готовить «дипломированных» профессионалов для инопланетных цивилизаций. «Земля экспортирует образовательные ленты, предназначенные для подготовки специалистов низкой квалификации, и это обеспечивает единство культуры для всей Галактики». Это не моя формулировка, так в тексте новеллы. Пусть земная система обучения не совершенна, но само по себе умение «образовывать» людей, подбирать им необходимые специальности, готовить к профессиональной карьере представляет в мире будущего несомненную ценность. Даже суперцивилизации — планеты класса А — вынуждены считаться с приоритетом Земли в образовании. И не надо думать, что этот приоритет достигнут только за счет тейпирования. Будь так, монополия Земли не могла бы существовать сколько-нибудь длительное время. На самом деле все устроено гораздо хитрее, и земляне могут этим гордиться.

Главный герой очень близко подошел к разгадке тайны. Стремясь доказать, что достоин профессии, к которой готовился с детства, он невольно чуть было не выдает секрет настоящего образования завидному потенциальному работодателю с другой планеты. К счастью, представитель другой цивилизации не смог оценить значимость той стратегии создания системы профессионального образования, которая была ему предложена. Иначе конкурентные позиции Земли были бы навсегда утрачены.

Формальное образование через тейпирование — это технология отбора кадров для массовых профессий. Но это лишь видимая часть образовательной системы, выпускающая «дипломированных» специалистов. Но есть и другая, скрытая от глаз общества и действующая за кулисами. Именно она и обеспечивает потребности Земли в постоянном общественном и технологическом прогрессе. Специалисты высокой квалификации анализируют способности детей, отбирают тех, кто обладает незаурядным интеллектуальным потенциалом и необходимыми личностными качествами: нестандартностью суждений, упорством, трудолюбием. Именно такие люди становятся предметом особой заботы в этой общественной системе. Нам прямо не показаны, но существуют на Земле Институты высшего образования, в которых работают «мужчины и женщины, способные к самостоятельному мышлению». А люди гуманитарных профессий создают необходимые условия для отбора в эти Институты и их деятельности. Здорово придумано, правда?!